разрѣшить трудной задачи, отрицають самое существованіе ея неужели вы такъ мало вѣрите въ истину соціализма, въ истину грядущаго царства свободнаго труда и справедливости? неужели вы не вѣрите, что одно только ученіе соціализма сумѣетъ разрѣшить всѣ трудности предстоящаго намъ историческаго пути?

„Вы — классъ эксплуататоровъ — говорите, что нищета уменьшается, и ссылаетесь на повышеніе заработной платы и проч. Но взгляните, если сумѣете, непредубѣжденнымъ взоромъ на то, что дѣлается вокругъ васъ. Въ городахъ скопляются теперь такія массы безработнаго люда, какихъ еще не видѣлъ никогда свѣтъ. Ваши статистики забавляются вычисленіями: когда короновалась Викторія, въ Лондонѣ двадцать тысячъ человѣкъ не имѣли, куда приклонить голову, а теперь, когда короновался добродѣтельный Эдуардъ, такихъ несчастныхъ было сто тысячъ. Недурная иллюстрація для уменьшившейся нищеты. И такъ же вездѣ, во всѣхъ центрахъ промышленности. Не думайте, что это — только Lumpenproletariat, босяки, отбросы вашего буржуазнаго міра. Нѣтъ, изслѣдователи вашего же лагеря должны были констатировать, какая масса обученыхъ рабочихъ, знатоковъ своего дѣла, еще недавно зарабатывавшихъ достаточно на жизнь, наполняютъ эту резервную армію труда. Вы то и дѣло встрѣчаете среди нихъ людей, обошедшихъ всю Европу въ тщетныхъ поискахъ работы... Просмотрите ваши зимнія газеты: онѣ переполнены вѣстями о безработицѣ, о движеніяхъ безработныхъ, которые не находятъ лѣтняго пристанища на городской лужайкѣ. Вмѣсто работы, вмѣсто хлѣба и тепла, вы даете имъ ружейные выстрѣлы, полицейскія избіенія и — для болѣе счастливыхъ — тюрьму... А тѣ, кто имѣетъ работу? Правда, путемъ неустанной борьбы, путемъ расширяющейся организаціи, путемъ усиливающейся солидарности они вырвали у васъ рядъ уступокъ. Но зато — какъ сильно возрасло ваше богатство, съ одной стороны, и необезпеченность рабочаго класса, съ другой. Все міровое хозяйство тѣсно переплелось своими отдѣльными частями, и неурожай хлопка

въ одномъ мѣстѣ земного шара вызываетъ закрытіе фабрикъ, выбрасываетъ на улицу тысячи отцовъ семействъ въ другомъ; изобрѣтеніе, долженствовавшее осчастливить человѣчество, вноситъ неожиданно голодъ и смерть въ среду ни въ чемъ неповинныхъ рабочихъ; зарвавшійся спекулянтъ влечетъ за собою въ могилу тысячи людей, никогда даже не думавшихъ о биржѣ и спекуляціяхъ. Жизнь рабочаго стала нервнѣе, положеніе болѣе шаткимъ, его тѣло и его мозгъ быстрѣе изнашиваются. Хуже прежняго зіяютъ неприкрытыя общественныя раны, и трудно надѣяться излѣчить ихъ путемъ палліативовъ, частными улучшеніями. И если бы даже такая надежда появлялась, она быстро была бы сметена, когда мы взглянули бы, что дѣлается въ деревнѣ. То и дѣло оттуда выбрасываются въ городъ милліоны, которымъ нѣтъ больше надежды получить хоть клочокъ земли. Все занято. Крестьянинъ борется всѣми силами противъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, отстаиваетъ каждую пядь своей земли, даже расширяетъ область мелкаго землевладѣнія путемъ невѣроятныхъ напряженій, страшныхъ лишеній. Но то и дѣло — слабые гибнутъ въ этой суровой борьбѣ и, потерявъ всякую надежду на самостоятельное существованіе, устремляются въ городъ; за ними тянутся тѣ, кто долженъ уступить долю своего наслѣдства, такъ какъ больше дробить кусокъ земли невозможно. Но въ городѣ они не только тонутъ въ арміи безработныхъ, но, какъ гири, привязываются къ ногамъ рабочихъ, затягивая ихъ въ бездну. А передъ рабочимъ классомъ стоитъ врагъ, все усиливающій свое вліяніе и не желающій добровольно сойти съ исторической сцены, готовый упорно защищать свою власть, свои привилегіи. Такимъ образомъ страшный финалъ классовой борьбы не отодвигается, а приближается, что бы ни говорили наши идеологи или наши ложные или ослѣпленные друзья...

„А крестьянство? а та часть его, которая близка намъ по неустанной работѣ не для себя, а на пользу разнымъ опутавшимъ ее піявкамъ, близка намъ по страданіямъ отъ общественной несправедливости? Къ несчастью, мы знаемъ, что